

нились даже на некоторых позднесредневековых хачкарах—сугубо христианских памятниках.

Нет сомнения, что наши наскальные изо-

бражения сохранили фрагменты и других важных мифов древности, их надо дешифровать и понять. Это дело времени.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПЕРВОБЫТНЫЕ НАСКАЛЬНЫЕ ЗНАКИ АРМЕНИИ

Рассмотрение многочисленных петроглифов в предыдущих главах более чем убедительно показало их роль в сохранении богатой информации относительно почти всех отраслей жизни древнейшего населения страны. Это обусловлено эпическим характером рисунков. Однако первоисточником значения наших петроглифов состояло еще и в том, что именно с рисунков отдельных предметов, животных, людей, небесных тел берет начало образование письма—пиктографического, иероглифического. На Древнем Востоке такие письма возникли уже в V—IV тыс. до н. э., затем они переросли в стройную систему клинописной или иероглифической слогописи, практически сохранили для нас историю человечества древнейших времен. Трудно определить время появления в Армении первых символических или пиктографических знаков. Во всяком случае, уже в композициях IV тыс. до н. э. наличествуют сильно стилизованные рисунки, которые легко могли быть превращены в пиктограммы.

Довольно большое количество петроглифов или иероглифов зафиксировано в наскальных изображениях Гегамских гор, на керамических сосудах Армянского нагорья (III тыс. до н. э.). Некоторые из глиняных сосудов Джавахка и Парскаайка покрыты горизонтальными рядами символов небесных тел, птиц, спиралей, углышек, сетчатых фигур и т. п. Это, несомненно, пиктографическое письмо. Полупиктографическими полурисуночными памятниками богаты и скопления петроглифов в Гегамских и Сюнийских горах, на Арагаце. Однако в Цолакерте и Армавире зафиксированы уже целые надписи, которые не поддаются пока расшифровке. Такие письма являлись скорее средствами семантической информации и, будучи зачатками письменного слова, передавали суть явления или общего содержания.

В ходе изучения наскальных изображений Армении выявлено около 100 знаков. Значительная часть их подвергнута графическому и семантическому анализу, классифицирова-

ны знаки—существительные и образованные ими идеограммы, среди них выделены группы, связанные с материально-производственной деятельностью, социальной структурой, религиозно-космическими представлениями общества (табл. XII).

Первобытные письма Армении, вероятно, в полном своем составе вошли в арсенал урартской культуры и там нашли наивысшее свое развитие. В ходе раскопок урартских памятников обнаружены многочисленные керамические и металлические предметы, снабженные иероглифическими знаками, короткими надписями и, наконец, целые таблички писем. Некоторые из коротких надписей сопровождаются такими же короткими клинописными текстами. Если со временем удастся доказать их идентичность, то будут, несомненно, найдены и фонетические их нагрузки. Вполне возможно, что урартская иероглифика является уже формой слогового письма. Однако также легко предположить, что полное развитие иероглифического письма в Урарту не имело места в силу широкого использования месопотамской клинописи и арамейского письма.

Урартская клинопись исчезла вместе с урартами, а иероглифическое письмо продолжало существовать в раннеармянской культурной среде, в частности, в языческих храмах, в качестве религиозно-магических, астролого-астрологических писем. Причиной такой долговечности первобытно-урартской иероглифики является, по-видимому, то, что смысловая нагрузка знаков была легко воспринимается для разноязычных народов, тем более, что у ранних армян не было никакого письма. Значение знаков было так велико, что даже в армянских манускриптах XIV—XVI вв. н. э. сохранились довольно значительные их списки под заглавиями «Иероглифы мудрецов», «Иероглифы предков наших», «Толкование писем и иероглифов древних». Вот в этих-то «толкованиях» мы находим знаки, которые полностью повторяют первобытные и урартские знаки, с объяснениями, так-

же вполне соответствующими семантике древних знаков.

Сравнительное их изучение показало, что все 50 первобытных знаков имеют свои урарто-армянские двойники, что хорошо видно из табл. XI.

Особую группу в этой таблице составляют первобытные урарто-армянские зодиакальные знаки. Во всяком случае, в ней представлены знаки созвездий, по которым определялся годичный круговорот солнца. В достоверности этих знаков можно убедиться на примере краткого разбора знаков Овна и Близнецы. *Зодиакальный рисунок и знак Овна (табл. XII).* Во всех наскальных изображениях Армении III—I тыс. до н. э. в самых разнообразных «ситуациях» встречается Овен уже в виде оформленного знака-идеогаммы. Это открытый снизу кружок, с центральной перпендикулярной диагональю посередине. Диагональ разделяет фигуру на два полукружья-рога, а сама представляет сильно стилизованную морду животного. Эта идеогамма, как и все остальные, оформлена путем крайней стилизации, исключения или отрицания второстепенных деталей бараньей головы. Рисунки, приведенные в табл. XII, показывают не только графическое ее оформление в хронологическом развитии, но и богатую смысловую нагрузку. Полное изображение Овна зафиксировано лишь в одном петроглифе Гегамских гор, датируемом III тыс. до н. э. (табл. XII, рис. 1). Корпус его длинный, упругий, с коротеньким хвостом и не совсем обычными когтевидными выступами задних ног. Шея животного длинная. Голова крестообразная, с ушами и большими спиралевидными рогами. Эта форма головы и послужила основанием для интересующего нас знака. Овен здесь изображен в очень интересном сочетании небесных светил и животных, которые помещены в следующем чередовании: птица, солнце и луна, бык (Телец), Овен и змея. Телец здесь такой же необычный, как Овен. Он надсен зигзаговидными конечностями, напоминающими явление молнии. В армянском фольклоре бык, как и козел, всегда связывается с весенним громом-молнией и дождем. Возможно, что подобное чередование фигур связано с мифической основой изображения или с точными зодиакальными представлениями. Во всяком случае, созвездия Овна и Тельца вместе с Близнецами составляют первую, начальную четверть года. Согласно вавилонскому мифу, Близнецы, Телец и Овен охраняли «небесные врата» на протяжении очень длительного времени и именно оттуда выходили на свой круговорот солнце (Шамаш) и луна (Син)—сын и отец. Разве случайно, что в нашем наскальном изображении с геометрическими, вдетыми друг друга рисунками этих светил, выступают

именно Телец и Овен? Да еще и птица, выпущенная прародителем Ану?

Из того же вавилонского мифа мы узнаем, что после завершения своих «небесных дел» бог Мардук создал растения и животных. Во многих наскальных изображениях крупно выбитые знаки Овна выступают рядом с символами небесных тел, птицами, с фигурами козлов, оленей, быков и других животных, иллюстрируя как бы мотивы вавилонского мифа. Связь Овна с небесными телами еще более подчеркнута в орнаментальных мотивах керамики III тыс. до н. э., в которых рельефные изображения крупно выделенной головки Овна занимают центральное место и сопровождаются красивыми фигурами птиц, парных или одиночных спиральных солнечных изображений.

Приведенный выше материал с очевидностью показывает, что фигура Овна и равносильный ей знак связываются с небесным миром и созвездием Овна. Нужно добавить, что знак Овен продолжает свое существование и в урартских памятниках, и в списках армянских манускриптов, и в астрономических текстах, и в миниатюрах, где повсюду толкуется как созвездие и связывается с весенним плодородием. Многие наскальные изображения Гегамских гор показывают, что эти представления берут свое начало в глубокой древности. Некоторые из них прямо связаны с Овном и идеей плодородия. Приведем лишь два примера:

Табл. XII, рис. 12. Вместе с крупным знаком Овна изображены козы, человек и очень крупная фигура божества, сидящего на корточках и оплодотворяющего землю подчеркнутым мужским знаком.

Табл. XII, рис. 13. В другом рисунке знак Овен представлен с такой же фигурой божества, в той же функции, в сопровождении животных, людей и геометрического изображения луны. Как видим, связь Овна с идеей плодородия неоспорима.

Ряд других археологических материалов III—I тыс. до н. э. указывает на существование культа Овна, на существование особых первобытных святилищ, где отправлялись культовые церемонии или весенние земледельческие празднества, связанные с Овном. К ним относятся остатки святилищ III тыс. до н. э. в Шенгавите и Ариче, где обнаружены крупные овновидные подставки культовых очагов, еще раз подчеркивающие связь этого животного с огнем (небесным огнем), в комплексе культовых, сильно стилизованных глиняных скульптур быков, женщин и богатой черноблестящей керамики религиозного характера. Все эти материалы показывают, что Овен являлся в древности объектом космического культа. Об этом наилучшим образом свидетельствуют материалы Двинского святилища начала I тыс. до н. э. Здесь обнаруже-

ны больше жертвенники с остатками золы от «вечного огня» и жертвоприношений. Над жертвенниками установлены прямоугольные плоские глиняные стелы с рельефными фигурами, связанными с небесной стихией. На первой стеле в определенной последовательности чередуются: три знака Овен (совсем как петроглифические), пучок полукружий (небосвод), затем извивающиеся змеи-молнии с двумя пероглифическими знаками солнца. На второй стеле те же рельефные знаки Овен выступают в сочетании с женскими лицами, солнечными знаками, волнообразными линиями, символизирующими воду, и помещенными внизу треугольными фигурами, которыми обычно обозначали горы или землю. Нет никакого сомнения, что упомянутые выше святыни были посвящены культу Овна или же, во всяком случае, весеннему земледельческому культу плодородия, в котором Овну отводилась большая роль.

Изображения, знаки и представления, связанные с небосводом и Зодиаком, полностью сохраняются и в урартское время. Здесь они также связаны с памятниками религиозного искусства. Так же отчетливо, как в первобытности, здесь существуют знак и изображение Овна, хотя и фигуры выполнены в ассирийской манере. Характерно, что великолепные фрески храма бога Халди в цитадели Эребуни (VIII в. до н. э.) изображают небесный свод, заполненный яркими, большими и малыми звездами различных цветов. Выше звезд располагается горизонтальный пояс, заполненный изящными миниатюрными изображениями белых овов, затем следует такой же пояс, состоящий из рисунков дерева, пальметок и связанных в своем единстве с идеей весеннего плодородия других растительных орнаментов, которые вместе с Овнами носят в себе идею плодородия и его культ, в которые хорошо вписывается также верхний горизонтальный пояс, заполненный фигурами тельцов. Такое сочетание рисунков в семантическом отношении повторяет композиционное единство петроглифов Гегамских гор—светила, Телец, Овен, древо жизни, оплодотворяющее божество. Следует отметить, что на описанной росписи из Эребуни рядом с древом жизни изображены фигуры жрецов—служителей культа дерева, организаторов весенних празднеств, связанных с Овном. В фресках же Тейшебаини и иных памятниках урартского прикладного искусства вместо жрецов часто выступают небесные крылатые гении, выполняющие, по всей вероятности, ту же функцию оплодотворения дерева, что мы видели и в наскальных изображениях.

Древнейшие представления, знаки, изображения, связанные с культом Овна, в полной мере заимствованы языческими армянами и

переданы по наследству средневековым потомкам.

В книге великого астронома VII в. Анания Ширакаци созвездия Овна и Тельца выступают вместе, как в наших наскальных рисунках и урартских фресках. Ширакаци пишет, что Овен символизирует месяц март, связан с пробуждением природы, оплодотворением животных, цветением растений. Образ Овна в народных представлениях укоренился так глубоко, что занял достойное место в героическом эпосе, через три-четыре сотни лет после Ширакаци. Интересно, что в некоторых сказах эпоса Сасунские богатыри, воплощавшие в себе немало черт космических сил, называются общим прозвищем «Овен», связанным не столько с мыслью продолжения их рода, сколько с созвездием Овна. Это тем более вероятно, что и другая ветвь персонажей эпоса связана с небосводом и культурами плодородия.

Н. А. Орбели блестяще показал связь одной ветви этих героев с земледелием. Таковы Мгер-Михр—бог солнца, Ован-горлан, ассоциируемый с небесным громоверждем, Верго, прозвище которого связано с мельничной водой и, наконец, старая Нанэ—образ растения,—питавшаяся вместе с дочерью со своего небольшого просяного поля и состоявшая в любовной связи с Мгером (семантическая связь Солнце-Земля).

Еще через несколько лет после оформления эпоса мы находим в миниатюрах армянских манускриптов уже знакомого нам Овна в той же функции и семантической обусловленности. Представления, связанные с Овном, сохраняются и до наших дней.

ИЗОБРАЖЕНИЯ И ЗНАКИ БЛИЗНЕЦОВ

В наскальных изображениях Гегамских гор и Сюника часто встречаются композиции, в которых изображены парные, идентичные мужские фигуры с поднятыми или опущенными руками и короткими широко расставленными ногами в сопровождении небесных знаков и изображений животных (рис. 27—29). Как показал А. А. Мартиросян, в одном из петроглифов Сюника (рис. 27) эти парные антропоморфные фигуры изображены рядом с парной идеограммой, которая повторяется в урарто-армянской пероглифике и объясняется в последней как Близнацы. Эта идеограмма детерминирует, таким образом, большую группу встречаемых в петроглифах парных фигур в совершенно обособленной позе и свидетельствует о наличии культа Близнацев у наших предков.

Этнографический материал показывает, что Близнацы почитались всеми древними народами, в том числе и армянами, в связи с приписываемой им функцией вызывания дождя. Существовало верование о том, что в чу-

деслом рождении Близнецов, кроме родителей, принимало участие какое-нибудь божество, передающее им свои качества. Гробницы Близнецов устраивались на берегу рек и озер, в увлажненных местах—обстоятельство, также связанное с водной стихией Близнецов.

Семантический разбор наскальных изображений показывает, что выбитые в них в эпоху бронзы фигуры Близнецов наделены теми же функциями. Так, в одной из композиций Ухгасара Близнецы выступают вместе со знаком «небо», тремя кружочками—символами небесных тел, с фигурами козлов и человека (рис. 28). В другой композиции они также изображены на «фоне» различных небесных знаков, вместе с фигурой человека и быка (рис. 29). Наличие небесных знаков в этих изображениях показывает, что Близнецы являлись небесными существами, как индийские Ашвины и греческие Диоскуры. Фигурирующие же здесь обязательные изображения козла и быка связывают их с громом и молнией, с идеей земледельческого плодородия.

В армянском фольклоре, в средневековой поэзии и особенно в героическом эпосе сохранились достаточно яркие следы представлений и культов, связанных с Близнецами. Бог-близнецы эпоса—Санасар и Багдасар были зачаты водой морского родника, являлись сыновьями морской богини Цовинар, наделенной, как и сыновья, силой грома-молнии. Равным образом, с водной стихией были связаны Близнецы-младенцы Тух-Мануки (букв. темнолицые, темнокожие младенцы). Они, как и Санасар-Багдасар, обитали в горах, на берегу горных рек. Прозвища этих Мануков «тух» (темный) или «св-танак» (букв. «черное чернило») были связаны с черными дождевыми тучами. Во многих странах для вызывания дождя приносили в жертву животных обязательно черного цвета; жрецы или шаманы, «наделенные» этой функцией, носили черное одеяние. В греческой мифологии отец Близнецов, Бог ветров и бури Борей представлялся всегда в черной мантии. Близнецы в Армении назывались Мануками—младенцами. У многих народов боги-Близнецы представлялись в виде новорожденных мальчиков, хотя в деяниях своих они выступали в качестве храбрых юнцов. Вся деятельность близнецов эпоса Санасара и Багдасара развивается вокруг выпавов-змей, перекрывающих истоки вод, и направлена на их уничтожение, высвобождение вод. Любопытно, что именно Санасар и Багдасар убили вишана, проглотившего солнце, и лишь после этого пошел дождь в «Медном городе», стало светло и тепло. Люди избавились от голода. Этот эпизод прямо связывает Близнецов с их основной функцией вызывания дождя и регулирования погоды.

Судя по отрывкам средневековых песен,

теми же функциями были наделены Тух-Мануки.

На наш взгляд, Санасар-Багдасар, как и Тух-Мануки, находятся в каком-то отдаленном родстве с изображениями уникального петроглифа Сев-Сара (рис. 30). Этот знаменитый памятник древности был описан как «небесная карта» и интерпретирован как календарная лунно-солнечная таблица в V главе настоящей работы. Действительно, значительнейшую площадь занимают здесь чудесные, разнообразные лучистые небесные тела, определенное количество лунок, небесных иероглифических знаков. В данном исследовании нас больше занимает одна из композиционных групп, составленная из четырнадцати геометрических, зооморфных и антропоморфных фигур, и имеющая мифическую основу. Композиция эта является как бы мифическим раскрытием небесной карты-календаря. Здесь выступают божества стихии—Близнецы—в своей главной функции. Рядом с солнечным антропоморфным божеством выведены колесо, полумесяц и конь. Напротив него стоят божества—Близнецы, с громадными извивающимися змеемолниями в поднятых руках. Все остальное пространство композиции занято беспорядочным скоплением таких же молний-змей, олицетворяющих как бы весенний беспокойный небосвод в пору космической битвы солнечно-громовых божеств. Отдельные элементы этой вечной восточной темы сохранили наши боги Ваагн, Мхр, Санасар и Багдасар, Мгер и Давид. Кроме изображения Близнецов в этой группе имеется еще знак Овен. Ими ограничивается весенний цикл круговорота солнца.

Как видно, в этой лунно-солнечной календарной таблице Близнецы выступают в основной своей функции вызывания грома-молнии и дождя.

Любопытным в этой композиции является наличие коня—неразлучного спутника-дублёра сасунских героев-близнецов, а в равной мере и юных храбрецов Тух-Мануков («темнолицые, темнокожие младенцы»), а также Близнецов, изображенных в памятниках искусства эпохи бронзы и средневековых астрономических миниатюрах. Исследователи находят, что конь являлся зооморфным предком Близнецов. Такими были индийские Ашвины и греческие Диоскуры, считавшиеся сыновьями-конями Индры и Зевса.

Вновь обращаясь к изображениям Близнецов в памятниках искусства первобытной Армении, хотелось бы обратить внимание еще на одну деталь—на длину, ловкость и могущество их рук, по сравнению с короткими, а иногда и вообще отсутствующими ногами. Считалось, что свою основную функцию они выполняют с помощью рук (рис. 31). Племена Британской Колумбии верили, например, что новорожденные младенцы-близнецы способны

движением своих ручек вызывать ветер, дождь или хорошую погоду. Подобная способность сохранилась за Тух-Мануками и в средневековой армянской поэзии.

Близнецы в наскальных изображениях сопровождаются обычно геометрическими рисунками или знаками небесных тел, так как сами они являются небесными телами— созвездием. В иных петроглифах они изображаются с рисунками звезд и луны (рис. 33—36).

Приведенный материал из петроглифических памятников Армении, в сопоставлении с фольклорно-этнографическим, указывает на то, что в них действительно выступают боги-близнецы, тесно связанные с земледельческим культом плодородия.

Та же идея, те же представления отображены в графических мотивах двух бронзовых поясов конца II—начала I тыс. до н. э. из Самтавро. Они происходят из погребений №№ 276 и 211, имеют бордюры из геометрических рисунков и широкие внутренние поля, заполненные двумя рядами фигур, представляющих людей и разнообразных животных.

На первом поясе (рис. 37) наличествуют рыба, олень, конь, лев, выдра, свинья, птица и медведь. Человеческие фигуры представлены Близнецами и Стрельцом. Все фигуры сопровождаются символами, указывающими на небесное, божественное происхождение зооморфных и антропоморфных существ. Бодящие друг друга олени носят над корпусом знаки «гром-молния», помещенная же между ними рыба—носитель небесной воды или дождя после молнии. Ширакаци так говорит о рыбе: «Рыба: пять звезд, одна—символ проливных дождей...» Близнецы наших поясов повсюду следуют за молниеносителями—оленьями и за Стрельцом, наподобие своих греческих или индийских «собратьев», за тем Стрельцом-созвездием, с которым также, по словам Ширакаци, связывается волнение морей и туч. Далее Ширакаци приводит целый список созвездий, связанных с ливневыми дождями. Из перечисленных в этом списке имен на нашем поясе наличествуют Медведь, Птица, Свинья, Рыба и Полярная звезда. Идею дождя носят в себе также выдры—водные животные. В руках Близнецов изображены кувшин и кубок, символизирующие, вероятно, созвездие Водолей. Атрибутами Близнецов на этом поясе являются кони, точно так же, как чудесный огненный конь сасунских героев или кони Тух-Мануков. Все эти изображения символизируют идею дождя и плодородия. Это подтверждается также изображением на поясе Козерога, носящего идею смерти и воскрешения—идею обновления или повторения живой природы. Такое

сведение сохранилось у Ширакаци. Сами же Близнецы, по словам того же Ширакаци, вместе с дождем приносили и обилие урожая. Ту же идею носят Тух-Мануки в средневековых поэтических отрывках.

На втором поясе из Самтавро выступают те же животные с добавлением Быка—Тельца, рис. 38, также тесно связанного в представлениях древних с громом и молнией, водой и земледелием вообще. И здесь Близнецы следуют за Стрельцом и преследуют оленей. Идея плодородия и изобилия является главной и для изображений второго пояса. Вызывание дождя, ветров и хорошей погоды Близнецами было связано с определенным временем года, падающим на май месяц, изобилующий дождями, питавшими землю.

Важным значением Близнецов и обуславливался их культ, который, судя по памятникам первобытного религиозного искусства, начинается в эпоху бронзы, затем продолжается в армянской среде языческого и христианского периодов, хотя под влиянием христианской религии в образе Близнецов многое изменяется, многое забывается.

В наскальных изображениях Гегамских гор представлены достаточно четко и другие зодиакальные знаки и рисунки, однако они не входят в тему настоящей книги, поскольку не относятся к числу публикуемых здесь петроглифов.

* * *

Разработанным выше материалом исчерпываются известные нам основные группы наскальных изображений Гегамских гор, за исключением интересного скопления петроглифов у подножья Малого Пайтасара, опубликованного ранее С. А. Сардаряном в рисунках. Не исключена возможность, что в дальнейшем будут выявлены другие новые изображения и придется вновь вернуться к их публикации.

Со времени начала изучения наскальных изображений Армении экспедициями Института археологии и этнографии АН Армянской ССР прошло около 15 лет. За это время сделано немало. Однако весь этот период является, по-видимому, начальной стадией изучения петроглифов. Накопленный богатейший материал все еще нуждается в дальнейшем, более детальном разборе, более глубокой интерпретации на основе всего комплекса знаний по археологии, этнографии, фольклору, мифологии Армении и сопредельных стран древней цивилизации. Эти чрезвычайно важные памятники все еще ждут специального, сугубо искусствоведческого разбора.